

Вег. Москва. - 1994. - 10 окт. - с. 5.
ГЕОГРАФИЯ БИОГРАФИИ

Эх, ему бы еще разок на Камчатку слетать... Но теперь уж не потянуть. И возраст ни при чем. Он полон энергии, мобилен по-прежнему. Даже юбилейный день рождения провел на рабочем месте — за роялем в Большом зале консерватории. И счастливым именинником себя почувствовал — укутали его цветами, неизменно-обаятельная Анечка Чехова бутылкой шампанского за кулисами встретила... И завтра у него концерт, и в субботу перед домашним празднеством. Нет, его 85 не помеха — проездную цену до Камчатки ему теперь не одолеть.

Ну, а что уж так далась ему эта Камчатка? Что он там оставил-потерял?

— А она для меня, можно сказать, второй дом на земле. О такой удачливо складывающейся смолodu жизни, карьере только мечтать. Выросший в Жмеринке выученик Киевской консерватории, срочную службу красноармейцем служивший в симфоническом оркестре ЦДКА, он уже через год солировал с ним на торжественном концерте в Кремле. И после демобилизации баловень судьбы очень быстро стал в столице Давидом Лернером, имя которого в те 35—36-е годы крупно красовалось на концертных афишах тогдашних звезд-певцов: Елены Кругликовой, Петра Киричека, Соломона Хромченко, Давида Гамрекели, дирижера Натана Рахлина. Только у госпожи Фортуны, как известно, свои причуды.

Нежданно-негаданно председатель Всесоюзного радиокомитета, где Лернер трудился, вдруг предложил ему полтора года поработать в Петропавловско-Камчатском отделении. Музыкант сначала решительно отказался. Однако руководство ловким маневром вскоре зашло с другой стороны: пригласило Давида на дачу помуницировать, где хозяин свел его с удивительной личностью — Петром Валентиновичем Несмеяновым, главой того самого отделения радиокомитета, широкой эрудиции и души человеком, неукротимым патриотом Камчатки, в один вечер доказавшим пианисту-концертмейстеру, как именно в нем нуждается забытый культурой край.

Оставив в Москве любимый «Блютнер», Лернер взял билет на поезд «Москва—Владивосток». Старый друг еще с консерваторских времен Соломон Хромченко провожал его с надеждой на скорую встречу. Но с этой минуты временные понятия для молодого музыканта начали странно смещаться. За многие сутки путешествия он впервые явственно представил огромность своей страны. Ровно месяц во Владивостоке пришлось ждать корабля и еще 10 суток потом плыть до Петропавловска.

Мог ли он думать, что едет навстречу своей судьбе, что в заснеженном одноэтажном с деревянными тротуарами крае он окунется в мир почти первозданной красоты природы, человеческого тепла, любви, творческого горения? Что здесь, на краю света, сверкающем снегом и солнцем, он обретет истинный Дом для себя у Несмеяновых и на всю жизнь главного человека рядом — их дочь Наташу — жену, друга, певицу-соратницу в искусстве, мать их любимца Женьки (унаследовавшего от родителей

музыкальный талант и чуткое сердце).

Поначалу-то просто требовалось обзавестись хоть каким-либо инструментом для работы, и Лернер после нелегких поисков приволок в радиокомитет самый первый в истории студии рояль.

От Жмеринки и до Камчатки...



За роялем Давид Лернер.

Этот «Исбах» и связал их: Наташа пела, Давид аккомпанировал, часто к дуэту присоединялась своим красивым голосом и Анфиса Николаевна, Наташина мать. Заразительным весельем, остроумием засверкала для него жизнь... Но безоблачной та пора оказалась недолго — шел 1937 год. Их «Музыкально-вокальная контрреволюционная организация «Бим-Бом», как они позже себя окрестили, распалась в одночасье.

Сначала арестовали врагов народа Несмеяновых-старших, а в январе 1938-го пришли за шпионом и диверсантом Давидом Лернером. Невидимый серп косил почти начисто и целенаправленно, убирая с поля жизни в первую очередь интеллигенцию и лучших умельцев города и края... Петра Валентиновича расстреляли, а его жену и зятя этапировали во Владивосток.

— Береги пальцы! — надрывалась с берега напутствием Наташа.

Какие там пальцы... Во Владивостокской тюрьме пианиста затолкали в «одиночку», где впритык к параше стояли 30 человек. В Хабаровской камере оказалось 125. Шустрый «дизел» объявил 10-дневную голодовку. Его этапировали обратно во Владивосток, 19 суток их держали в трюме парохода только на соленой рыбе. Казалось, этому аду не будет конца... Однако спустя 20 месяцев

его неожиданно выпустили — с сотнями тысяч других заключенных невинно он попал в короткий период «борьбы с ежовщиной».

Раздавленным, растерянным вернулся пианист в Петропавловск: «Кому я теперь нужен?». «Мне, искусству!» — с неженской твердостью помогала мужу держаться Наташа.

А по-настоящему к жизни его подхлестнула война. Он быстро организовал новый ансамбль с программой «Били, бьем и будем

бить», написал на слова Лебедева-Кумача (еще до Александровской) свою песню «Идет война священная», а спустя несколько месяцев мичман, концертмейстер Ансамбля песни и пляски Тихоокеанского флота вместе с краснофлотцем Борисом Бруновым, который вел конференс, включился в долгое, вплоть до конца войны, концертное «турне» ансамбля по всему Приморью — в тайге, на кораблях. Где не было рояля, мичман брал баян.

...В руках у меня уникальная карта. От Стамбула до Востока, от маленькой Пениги на Кольском полуострове до Бухты Провидения на Чукотке, от Варшавы до острова Симушир в Охотском море я насчитала на ней 470 кружочков — столиц, городов, райцентров, где выступал соло или в партнерстве Давид Лернер. Три четверти из кружочков обведены красным.

— Значит, не единожды там были, — пояснил хозяин карты. — Поселки же вообще невозможно отменить. А, к примеру, только с Марией Петровной Макасовой мы не раз давали концерты в селах ее малой Родины. В такие часы воцарялась тишина, от которой замирало сердце, и долго-долго потом мы жили ощущением праздника.

Сколько же праздников подарил этот музыкант?

— Не считал, — смущенно улыбается он, — карту ведь я для себя из интереса завел.

Да и возможно ли подсчитать, когда за один лишь год они с той же Макасовой дали 102 концерта. Драгоценной реликвией он хранит программку ее дебюта в Большом зале консерватории. На ней коротко: «Наш экзамен прошел на «отлично». Спасибо!». Позже в книге великая певица расскажет: «Давид Михайлович оказался тонким и чутким музыкантом, к тому же неумной работоспособности — он готов был работать целыми сутками, а это так важно для певца, — ведь каждая найденная фраза, нюанс требуют немедленной проверки, и если принимается, то закрепится».

30 лет творчества они были вместе в работе и человеческой дружбе, два строгих к себе мастера, не признающих внешних эффектов, но умеющих интонацией романа ли, песни передать безграничную широту русского человека, силу его чувств в горе и радости. Два интеллигента в любых обстоятельствах всегда внимательных к другим — и в крупном, и в мелочах.

Этот стаж у Давида Михайловича не единственный. На пятнадцать лет его выбрал своим концертмейстером другой уникальный артист — Сергей Лемешев. Долго и неизменно на концерт-

ных афишах лучших певцов страны Н. Шпиллер, Е. Шумской, А. Иванова, Ирины и Леокадии Масленниковых, В. Левко, П. Селиванова и других коротко значилось: «Партия фортепьяно — Давид Лернер».

Что за этим? С одной только Е. Алтуховой они приготовили 30 программ. Вот уже 40 лет крепко спаянные в жизни они творят с тонким художником вокала Геннадием Пищавым, не отпускает от себя талантливый А. Толмазов... Да и мировые заезжие звезды с благодарностью соприкоснулись с искусством этого музыканта — Николай Гедда, Имма Сумак, Маргарита Халлин, Поль Робсон — не перечислить. С «Павлом Васильевичем» Лернер познакомился в Лондоне, когда с Леокадией Масленниковой выступали они в Альберт-холле, а Робсон лежал в больнице. Пианист послал ему ноты и слова только что написанной Э. Колмановским на стихи Евгения Евтушенко песни «Хотят ли русские войны?», ставшей гвоздем репертуара их совместных концертов в Москве.

Особая веха в жизни Лернера — Астрахань. Не потому лишь, что бесцельно там выступал и свой человек в городе. Он еще и почетный гость, и исполнитель на проходящем здесь с 1986 года Международном фестивале вокального искусства имени В. В. Барсовой и М. П. Макасовой. Впрочем в этом качестве я встречала его и на Международном Рахманиновском и имени П. И. Чайковского конкурсах.

Не рассказать в газетном материале, о чем мог бы поведать прокричать каждый нанесенный на карту кружочек неповторимой рабочей географии или биографии этого артиста. «Заслуженного» ему дали... три года назад. 29 лет где-то моталась-перекалывалась бумага-хатайство. Не жалуют у нас особым вниманием ни критика, ни чиновники сложное и тонкое концертмейстерское искусство. Да и пресловутый «пятый пункт» мешал, а еще не способствовала делу невероятная скромность Давида Михайловича. Он не переживал. Он все равно очень счастливый человек и очень богатый.

Впрочем, иной, взглянув на его небольшую квартирку с низкими потолками, может совсем иначе оценить их с Наталией Филипповной жизненный успех: не посудомоечной машины, ни престижного шкафа-холодильника в доме, не говоря уж там об автомобиле, даче... Зато друзей верных нажили немало, а в уютном их доме — хорошо, тепло. И не могу я не познакомить вас хотя бы с одним бесценным бережно хранящимся здесь документом — письмом Ивана Семеновича Козловского Давиду Лернеру в день его 60-летия.

«Поздравляю и радуюсь, что Вы в своем творчестве выдержали натиск созвездия имен. Быть музыкантом, иметь свое отношение и толкование к любому музыкальному произведению и встречаться со стихийным исполнителем... Право, Вы достойны удивления и восхищения. Ведь в искусстве кому-то надо верить. И совершенно разные по мировоззрению, по темпераменту и просто по стилю исполнения исполнители верят Вам. Что это? Мудрость, уступчивость или та сила убеждения, которая притягивает к Вам? Быть камертоном, к которому прислушиваются, по которому настраиваются и с которым создаются разные исполнительские ансамбли, не каждому дано, а в Вашей жизни они были, есть и будут.

Гляжу на Ваше фото... Вы такой умильный, доверчивый и характером добрый. Но ведь эти качества хороши для дома, для заседания месткома, а искусство... Но Вы сами знаете: когда выходишь на сцену, нужен не характер, а то что у Вас есть, и за что Вас чествуют — МАСТЕРСТВО!!!»

Мирра ЯКОВЛЕВА